

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

LAW

УДК 342

DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-3-248-258

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ ФОРМОЙ КОНСТРУКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В. В. Гончаров¹, В. В. Нагайцев², Е. Г. Петренко³, Е. В. Пустовалова²

¹Юридическая консалтинговая корпорация «Ассоциация независимых правозащитников»,
г. Краснодар, Российская Федерация

²Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

³Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу места и роли института общественного контроля в Российской Федерации в системе форм социального протеста. В работе исследуются различные формы социального протеста, проведена и обоснована их авторская классификация. Автором исследуются различные точки зрения в научной и учебной литературе на место и роль общественного контроля в системе форм социального протеста. Проведен анализ международно-правовых основ правового регулирования конструктивных форм социального протеста, а также отношение российского законодательства к конструктивным и деструктивным формам социального протеста. В работе проведен анализ влияния института общественного контроля на различные формы социального протеста. В статье обоснована авторская точка зрения относительно того, что институт общественного контроля в России можно отнести к формам конструктивного социального протеста, но одновременно данный институт гражданского общества выступает как инструмент предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста. В работе формализованы и исследуются основные проблемы, препятствующие развитию института общественного контроля в Российской Федерации как конструктивной формы социального протеста, разработана и обоснована система мероприятий по разрешению указанных проблем, в том числе путем внесения изменений и дополнений как в Конституцию страны, так и действующее законодательство.

Ключевые слова: общественный контроль, народный контроль, Российская Федерация, форма, конструктивный, деструктивный, социальный протест, цифровые технологии, права, свободы

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Является ли институт общественного контроля в России формой конструктивного социального протеста: к постановке проблемы / В. В. Гончаров, В. В. Нагайцев, Е. Г. Петренко, Е. В. Пустовалова // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 3. С. 248–258. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-248-258>

IS THE INSTITUTION OF PUBLIC CONTROL IN RUSSIA A FORM OF CONSTRUCTIVE SOCIAL PROTEST: TOWARDS THE FORMULATION OF THE PROBLEM

V. V. Goncharov¹, V. V. Nagaytsev², E. G. Petrenko³, E. V. Pustovalova²

¹Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", Krasnodar, Russian Federation,

²Altai State University, Barnaul, Russian Federation

³Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the analysis of the place and role of the institute of public control in the Russian Federation in the system of forms of social protest. The work explores various forms of social

protest, and their author's classification is carried out and justified. The author explores various points of view in scientific and educational literature on the place and role of public control in the system of forms of social protest. The analysis of the international legal foundations of the legal regulation of constructive forms of social protest, as well as the attitude of Russian legislation to constructive and destructive forms of social protest, is carried out. The paper analyzes the influence of the institute of public control on various forms of social protest. The article substantiates the author's point of view that the institute of public control in Russia can be attributed to forms of constructive social protest, but at the same time this institution of civil society acts as a tool for preventing and preventing the formation and implementation of destructive forms of social protest in society. The paper formalizes and explores the main problems hindering the development of the institution of public control in the Russian Federation as a constructive form of social protest, develops and justifies a system of measures to resolve these problems, including by making amendments and additions to both the Constitution of the country and the current legislation.

Keywords: public control, people's control, Russian Federation, form; constructive, destructive, social protest, digital technologies, rights, freedoms

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Goncharov V. V., Nagaytsev V. V., Petrenko E. G., Pustovalova E. V.* Is the institution of public control in Russia a form of constructive social protest: towards the formulation of the problem. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2024, vol. 10, no. 3, pp. 248–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-3-248-258>

Анализу современных форм социального протеста как населения в целом, так и его отдельных категорий, а также прав на социальный протест, посвящена работы Е. Ю. Безруковой [1, с. 58–62], Е. В. Бродовской [2, с. 195–214], А. В. Воробьева [3, с. 61–72], Д. В. Гончарова [4, с. 65–81], В. В. Петухова [5, с. 86–96], М. С. Степановой, [6, с. 306–307], В. Ю. Титова [7, с. 77–79], Н. Р. Шукуралиевой [8, с. 16–29], а также многих иных авторов. Особый интерес представляют исследования С. Д. Гаврилова [9, с. 24–34], С. А. Косинова [10, с. 11–17], Р. Л. Метлицкого [11, с. 39–47], затрагивающие проблематику использования института общественного контроля в качестве гарантии недопущения деструктивных социальных протестов в стране. В этой связи на наш взгляд, имеет определенную актуальность и научно-практическую значимость анализ вышеназванного института гражданского общества с позиции рассмотрения его в качестве формы социального протеста, чем и обусловлен выбор темы настоящего научного исследования.

Существование и развитие любого современного государства в условиях возрастающей международной политической нестабильности и рисков военных угроз возможно при условии постоянного усовершенствования механизма публичной власти в стране, опирающегося на поддержку всего населения государства либо его

большинства. В этой связи наибольшей устойчивостью к вышеназванным угрозам обладают демократические государства с республиканской формой правления. В Российской Федерации Конституция закрепила правовой статус многонационального народа страны в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти в государстве, реализующего свои властные полномочия через систему прямых и опосредованных форм народовластия, нуждающихся в сложной системе юридических гарантий, важнейшей из которых выступает институт общественного контроля.

В силу демократической природы российской государственности весь смысл существования системы публичного управления в стране, а также правовой системы сводится к обеспечению сохранения и развития российского общества, фундаментальной ценностью которого является человек, его права, свободы, законные интересы (как личные, так и в составе коллективных форм жизнедеятельности человека – семьи, а также любых форм ассоциаций с другими людьми, например, в форме негосударственных некоммерческих организаций).

В этой связи Конституция Российской Федерации закрепила огромное количество прав и свобод человека и гражданина, которые условно можно классифицировать на личные, политические,

социально-экономические, культурные. Политические права и свободы человека и гражданина, закрепленные в статьях 29–33 Конституции Российской Федерации, выступают их важнейшей разновидностью. Необходимость их закрепления, реализации, охраны и защиты и обуславливает приоритетное значение и важность конституционных принципов народовластия и участия граждан страны в управлении делами государства. То есть, указанные конституционные принципы являются теми основными базовыми конституционными началами, посредством которых обеспечивается закрепление основных политических прав граждан нашей страны. При этом условно политические права и свободы граждан Российской Федерации можно классифицировать на ряд групп: 1) политические права, посредством которых граждане реализовывают непосредственные формы народовластия (в частности, закрепленные в ч. 2, 3 статьи 32 Конституции права граждан избирать и быть избранными в органы публичной власти, а также участвовать в референдумах, упомянутое в ч. 1 статьи 32 право лично участвовать в управлении делами государства, закрепленное в ч. 5 статьи 32 право на участие в отправлении правосудия в качестве присяжного заседателя, закрепленное в ч. 4 статьи 32 право граждан иметь равный доступ в государственной службе вне зависимости от пола, расы религиозной принадлежности); 2) политические права, посредством которых реализовываются опосредованные формы демократии (например, закрепленное в ч. 1 статьи 32 право граждан участвовать в управлении делами государства через своих представителей); 3) политические права, выступающие в качестве гарантий реализации, охраны и защиты гражданами своих прав и свобод граждан (в частности, закрепленное в статье 30 право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, упомянутое в статье 33 право граждан на обращения в органы публичной власти).

В рамках третьей разновидности политических прав и свобод огромное значение имеют права и свободы, посредством которых граждане могут выражать свое несогласие с порядком и содержанием процессов реализации органами публичной власти, а также их должностными лицами, своих полномочий (которые, напомним,

всего лишь являются властными полномочиями, которые делегированы им народом): право свободно искать, передавать, распространять информацию законным способом (ч. 4 статьи 29 Конституции РФ); гарантии каждому гражданину в свободе мысли и слова (части 1–3 статьи 29); право граждан собираться мирно (без оружия), проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования (статья 31).

В этой связи, как мы уже отмечали в ранее проведенных исследованиях [12, с. 194–196], трудно переоценить роль и место института общественного контроля в гарантировании реализации, охраны и защиты системы политических прав и свобод граждан.

Общество в любом современном государстве состоит из граждан, которые либо полностью и беспартийно поддерживают систему публичного управления в стране, политический курс государства, либо имеют определенные претензии как к порядку и содержанию процессов организации и осуществления органами публичной власти своих полномочий, реализации функций государства, а также в связи с имеющимся социальным неравенством, иными проблемами, носящими в большинстве случаев социально-экономический характер.

Состав этих категорий неоднороден, граждане постоянно меняют свое отношение к вышеназванным основаниям своей лояльности или не лояльности к правящему режиму. Их выбор в большинстве случаев обусловлен степенью соответствия ожиданий уровня своего социально-экономического благополучия его реальному состоянию.

Естественно, что в случае улучшения эффективности работы органов публичной власти, уменьшения уровня коррупции в стране, улучшения степени реальности в плане реализации закрепленных прав и свобод граждан растет и уровень поддержки власти населением страны.

По мере же ухудшения данных показателей растет и число граждан, которые становятся все менее лояльными системе публичного управления в стране.

При этом данные процессы сопровождаются социальными протестами со стороны населения, под которыми следует понимать публичное выражение несогласия, неодобрения с какими-либо действиями (бездействием) либо идеей, критику,

направленные против порядка и содержания процессов организации и осуществления органами публичной власти своих полномочий, реализации функций государства, а также в связи с имеющимся социальным неравенством, иными, как правило, социально-экономическими проблемами.

Институт социальных протестов нельзя рассматривать как явление сугубо негативное и находящееся вне допустимых рамок поведения населения. Социальные протесты выступают в роли своеобразной гарантии, страхующей общество и государство от сползания к диктатуре, авторитаризму и построению тоталитаризма в стране. Недавний опыт существования СССР показал, что беспартийная борьба руководства СССР с социальными протестами (вместо принятия и реализации конструктивных мер по их разрешению, купированию) привела к тому, что советские и партийные органы власти утратили доверие и авторитет в глазах рядовых граждан СССР, что привело в конечном итоге сначала к утрате КПСС статуса единственной политической силы, руководящей и направляющей советское общество в качестве ядра политической системы СССР, государственных и общественных организаций (что закреплялось в статье 6 Конституции СССР 1977 года), а потом и к развалу самого СССР. С учетом этого социальные протесты следует рассматривать как своеобразную лакмусовую бумагу, свидетельствующую об изменениях степени доверия народа к власти. Конечно, в значительной части случаев социальные протесты могут инспирироваться извне, например, со стороны враждебных Российской Федерации государств и их объединений. Как показал опыт организации и проведения так называемых «оранжевых революций», инспирирование подобных форм социального протеста зачастую осуществляется искусственно, путем концентрации мероприятий социального протеста в столицах и крупных региональных центрах, когда по факту подавляющее социальный протест меньшинства населения, к тому же проплаченного силами извне (как было в результате Майдана 2014 года на Украине), выдается с помощью различных технологий социального конструирования реальности в качестве мнения большинства населения, которое в целом остается лояльным системе публичного управления в стране.

Социальный протест можно классифицировать по различным основаниям.

Так, в зависимости от того, нарушается ли при его организации и проведении законодательство, его можно классифицировать на легальный социальный протест и противоправный.

В ходе реализации легальных форм социального протеста (например, путем проведения митингов, демонстраций, шествий, пикетирования) организаторы и участники данных мероприятий должны соблюдать требования и условия, предусмотренные соответствующими нормативно-правовыми актами.

Если же мероприятия, требующие разрешения со стороны уполномоченных органов публичной власти, осуществлены без них, то имеет место факт правонарушения. Кроме того, в ходе мероприятий, которые были согласованы, могут быть осуществлены определенные действия, которые подпадают под разряд административных правонарушений и преступлений. Например, участниками мероприятий осуществлялось распитие спиртных напитков либо были организованы массовые беспорядки с уничтожением или повреждением чужого имущества и т. п.

В зависимости от степени соответствия заявленных целей процессам оптимизации процессов сохранения и развития общества и государства социальный протест может быть деструктивным или конструктивным.

Конструктивный протест направлен на решение каких-либо проблем, укрепление российского общества или государства, борьбу с коррупцией, повышение эффективности работы органов публичной власти и т. п.

Деструктивный протест имеет явно противоположные цели, например, на утрату Российской Федерацией суверенитета, территориальной целостности и независимости. В частности, участники протестных движений Навального¹ неоднократно заявляли о необходимости отказа Россией от ядерного оружия в якобы благих целях (например, укрепления мира и безопасности). События СВО 2022–2024 годов показали абсолютную важность наличия у нашей страны данного вида вооружений, которое выступает важной гарантией предотвращения военной агрессии по отношению к Российской Федерации.

¹ Деятельность на территории РФ запрещена.

В зависимости от того, какие территории охвачены социальным протестом, его можно поделить на общегосударственный, межрегиональный, региональный, а также протест местного значения. В Российской Федерации протесты общегосударственного масштаба, как показывает история, не осуществляются, что свидетельствует, по мнению ряда авторов, о значительном уровне доверия населения аппарату публичной власти и проводимой им внутренней и внешней политике [1, с. 58–62].

В зависимости от количества участников социального протеста его можно классифицировать на массовый (который имел, например, место в 2017 году) [4, с. 65–81], групповой (когда число участников не превышает 50–100 человек), либо индивидуальный (в частности, в форме одиночного пикетирования).

В зависимости от возрастного состава участников можно выделить, например, молодежные протесты. Именно молодежные протесты, зачастую, используются в качестве розжига «оранжевых революций» по всему миру спецслужбами западных стран.

Право населения на социальный протест закреплено и в Уставе ООН, а также во многих нормах международного законодательства. В частности, принятая ООН в 1948 году Всеобщая декларация прав человека закрепляет в своей преамбуле право человека на восстание против тирании и угнетения в качестве последнего средства, если его права не охраняются властью закона.

Нормы национального законодательства, как правило, закрепляя право граждан на выражение социального протеста, ограничивают его, не признавая так называемого «права на восстание» (которое упоминает вышеприведенная преамбула Всеобщей декларации прав человека).

Таким образом, если реализация той или иной формы социального протеста ведение к уничтожению режима тирании, восстановлению демократического характера государственности в стране (хотя формально и противоречит нормам национального государства – тирании), то международное законодательство относит такие формы социального протеста к конструктивным и легитимным (но формально они являются не легитимными формами социального протеста с позиции национального законодательства).

Институт общественного контроля в Российской Федерации выступает в двояком статусе. С одной стороны, его следует отнести к формам конструктивного легального социального протеста. Так, одной из целей общественного контроля в России выступает обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций (согласно статье 5 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»). Этой цели соответствует ряд задач: реализация гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций; формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; повышение эффективности деятельности объектов общественного контроля. Таким образом, осуществление гражданами страны и общественными объединениями (иными некоммерческими негосударственными организациями) мероприятий общественного контроля (участие в них) можно рассматривать в качестве формы социального протеста, например, в связи с неприемлемостью фактов коррупции в деятельности проверяемого органа публичной власти, нарушения им прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов вышеназванных разновидностей юридических лиц и т. д.

С другой стороны, следует рассматривать институт общественного контроля в качестве довольно эффективного инструмента предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста.

Во-первых, благодаря тому, что субъекты общественного контроля реализуют свои мероприятия в отношении органов публичной власти, сокращается число коррупционеров и количество фактов коррупционных злоупотреблений в обществе, благодаря чему восстанавливаются нарушенные права и свободы граждан, что снижает в обществе градус недовольства деятельностью аппарата публичной власти.

Во-вторых, институт общественного контроля позволяет вовлекать политически активных

граждан в проведение мероприятий общественного контроля, выводя из поля деструктивного социального протеста.

В-третьих, институт общественного контроля способствует повышению эффективности и результативности в деятельности органов публичной власти, что в конечном итоге ведет к улучшению и убыстрению социально-экономического развития страны.

Однако развитию института общественного контроля в Российской Федерации в качестве формы конструктивного социального протеста препятствует ряд проблем, в числе которых можно выделить следующие.

Во-первых, то обстоятельство, что данный институт гражданского общества выведен из конституционного правового поля, что снижает его роль и значимость как в глазах рядовых граждан, так и многочисленных государственных и муниципальных служащих, должностных лиц иных объектов общественного контроля. Разрешение указанной проблемы видится в инкорпорировании института общественного контроля в Основную закон страны, с закреплением в нем его целей и задач (в качестве одной из целей можно определить возможность использования данного института гражданского общества в качестве инструмента предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста). Таким образом, как мы уже отмечали в ранее проведенных исследованиях [13, с. 186–188; 14, с. 127–130], построение системы общественного контроля в России невозможно без повышения его правового статуса до уровня конституционно закрепленного института.

Во-вторых, вышеназванная проблема порождает другую проблему, связанную с тем, что цели и задачи института общественного контроля в России требуют корректировки, например, в части закрепления вышеупомянутой цели в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля» с последующей ее детализацией в задачах общественного контроля.

В-третьих, важной проблемой выступает отсутствие у субъектов общественного контроля реальных полномочий. По сути, все их полномочия носят формальный характер. Для реального предупреждения и пресечения нарушений прав и

свобод граждан, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций они должны обращаться в соответствующие органы публичной власти, включая правоохранительные органы и суд. Это крайне невыгодно отличает институт общественного контроля от, например, института народного контроля власти, представители которого могли даже налагать меры административного наказания на виновных должностных лиц, например, предприятий торговли и бытового обслуживания. И институт народного контроля власти реально снижал градус социального напряжения, минимизируя риски реализации населением спонтанным образом деструктивных форм социального протеста. Решение этой проблемы видится в наделении подобными полномочиями субъектов общественного контроля, хотя бы в отношении юридических лиц и их должностных лиц (объектов общественного контроля).

В-четвертых, крупной проблемой является слабая организационно-техническая и материальная база субъектов общественного контроля. Это не позволяет, с одной стороны, субъектам общественного контроля осуществлять полное покрытие страны своими мероприятиями, а с другой стороны, не позволяет использовать современные дорогостоящие информационно-коммуникационные технологии в данной сфере [15, с. 196–200]. Решение этой проблемы невозможно без участия Правительства РФ, которое должно путем принятия соответствующих федеральных программ, разрабатываемых после консультаций с Общественной палатой страны, укрепить материальную, информационную, организационную базу субъектов общественного контроля. Однако увеличение финансирования со стороны бюджета нужно увязать с введением системы контроля эффективности и результативности работы субъектов общественного контроля путем закрепления соответствующих коэффициентов, расчетов эффективности и т. п. (о чем мы уже ранее писали в других работах) [16, с. 199–202].

В-пятых, определенной проблемой в России, которая препятствует развитию института общественного контроля, является и то обстоятельство, что в российском законодательстве остается масса «белых пятен» в законодательном урегулировании

возможности организации и проведения мероприятий общественного контроля в отношении любых его объектов. В частности, Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ вывел ряд объектов общественного контроля из своего предмета ведения (под предлогом того, что они будут урегулированы отдельными федеральными законами). Однако на сегодняшний день большинство из подобных федеральных законов не принято, что требует интенсификации работы законодателя в данной сфере (с привлечением к ней Общественной палаты РФ).

В-шестых, серьезной проблемой является и то обстоятельство, что в России слабо используется зарубежный опыт функционирования институтов контроля гражданского общества за аппаратом публичной власти. При этом в большинстве западных стран данный институт имеет обозначение «прозрачность и участие», то есть органы публичной власти мотивируют граждан страны, общественные объединения участвовать в реализации различных функций государства путем контроля за законностью их осуществления органами публичной власти и их должностными лицами. Таким образом, возникает поле для конструктивного диалога власти и населения, которое в форме конструктивных социальных протестов может указывать власти на имеющиеся проблемы, при этом предлагая инструментарий для их разрешения. Это позволяет полноценно использовать контроль гражданского общества за публичной властью в качестве инструмента предотвращения социальных деструктивных протестов (бунтов, революций и т. п.).

В ходе проведенного научного исследования нами был сделан ряд выводов, в числе которых можно выделить следующие:

1. Институт общественного контроля в Российской Федерации выступает в виде важнейшей юридической гарантии реализации, охраны и защиты не только системы конституционных принципов (прежде всего – народовластия и участия граждан страны в управлении делами государства), но и всей системы конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

2. Политические права и свободы человека и гражданина, закрепленные в статьях 29-33 Кон-

ституции Российской Федерации, выступают их важнейшей разновидностью. Именно необходимость их закрепления, реализации, охраны и защиты и обуславливает приоритетное значение и важность конституционных принципов народовластия и участия граждан страны в управлении делами государства.

3. Любое гражданское общество в современных государствах состоит из граждан, как поддерживающих систему публичного управления в стране, так и из тех, кто имеет определенные претензии к порядку и содержанию процессов организации и осуществления органами публичной власти своих полномочий, реализации функций государства, а также в связи с имеющимся социальным неравенством, иными проблемами, носящими в большинстве случаев социально-экономический характер.

4. При этом под социальным протестом следует понимать публичное выражение несогласия, неодобрения с какими-либо действиями (бездействием), либо идеей, критику, направленные против порядка и содержания процессов организации и осуществления органами публичной власти своих полномочий, реализации функций государства, а также в связи с имеющимся социальным неравенством, иными, как правило, социально-экономическими проблемами.

5. Социальный протест можно классифицировать по различным основаниям: по степени соответствия действующему законодательству (на легальный и противоправный); по степени соответствия заявленных целей процессам оптимизации процессов сохранению и развитию общества и государства (на конструктивный и деструктивный); по территории действия (на общегосударственный, межрегиональный, региональный, местного значения); по степени охвата населения (на массовый, групповой, индивидуальный); по составу участников (на смешанный, с участием представителей определенных категорий населения); по возрастному составу участников (на молодежный и все возрастной).

6. При этом нормы международного законодательства закрепляют возможность, основания и условия реализации гражданами страны различных форм социального протеста. При этом если реализация той или иной формы социального протеста ведению к уничтожению режима тирании, восстановлению демократического характера

государственности в стране (хотя формально и противоречит нормам национального государства – тирании), то международное законодательство относит такие формы социального протеста к конструктивным и легитимным (но формально они являются не легитимными формами социального протеста).

7. В свою очередь в Российской Федерации институт общественного контроля выступает в двойном статусе: с одной стороны, он относится к формам конструктивного социального протеста, а с другой стороны, он выступает в качестве инструмента предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста.

8. Развитию института общественного контроля в Российской Федерации в качестве формы конструктивного социального протеста препятствует ряд проблем, в числе которых можно выделить: незакрепленность данного института гражданского общества в Конституции страны; отсутствие закрепления в законодательстве об общественном контроле в качестве одной из целей общественного контроля его использования в качестве инструмента предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста; отсутствие у субъектов общественного контроля реальных полномочий; слабую организационно-техническую, материальную базу субъектов общественного контроля; наличие ряда «белых пятен» в законодательном урегулировании возможности организации и проведения мероприятий общественного контроля в отношении любых его объектов; отсутствие оптимального анализа, адаптации и реализации в законодатель-

стве об общественном контроле соответствующего положительного советского и зарубежного опыта использования института контроля гражданского общества за аппаратом публичной власти и иными объектами, реализующими публичные полномочия в качестве эффективного инструмента предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста.

9. Разрешение указанных проблем потребует закрепления и реализации системы мероприятий, в числе которых можно выделить: формализацию института общественного контроля в Конституции России; расширения перечня принципов, целей и задач данного института гражданского общества в целях оптимизации его использования в качестве инструмента предупреждения и профилактики формирования и реализации в обществе деструктивных форм социального протеста; расширение перечня реальных полномочий субъектов общественного контроля с учетом адаптации и внедрения положительного советского и зарубежного опыта использования института контроля гражданского общества в качестве вышеназванного инструмента; усовершенствование законодательства об общественном контроле путем принятия ряда федеральных законов, обеспечивающих функционирование данного института гражданского общества в отношении его объектов, выведенных из предмета ведения Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»; разработку и принятие Правительством страны системы федеральных программ, направленных на развитие организационно-технической, материальной базы субъектов общественного контроля.

1. Безрукова Е. Ю. Социально-политический протест в России или «почему люди не бунтуют» // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 58–62. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/7135> (дата обращения: 01.01.2024).

2. Бродовская Е. В., Давыдова М. А., Лукушин В. А. Информационный поток протестной мобилизации в российском сегменте социальных медиа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19. № 2. С. 195–214. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.204>

3. Воробьев А. В. Легальные формы социально-политического протеста в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 1. С. 61–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34876938> (дата обращения: 01.01.2024).

4. Гончаров Д. В., Нечай В. В. Антикоррупционные протесты 2017: отражение в Твиттере // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 1 (88). С. 65–81. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36415205> (дата обращения: 01.01.2024).

5. Петухов В. В. Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социологические исследования. 2016. № 11 (391). С. 86–96. URL: <https://www.socis.isras.ru/article/6437> (дата обращения: 01.01.2024).

6. Степанова М. С. К вопросу об электронном способе конструктивного протестного поведения // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). С. 306–307. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27316168> (дата обращения: 01.01.2024).
7. Титов В. Ю. Анализ нормативно-правового регулирования протестных настроений в концепциях отечественных юристов // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 77–79. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49173391> (дата обращения: 01.01.2024).
8. Шукуралиева Н. Р. Феномен «цветных революций» в постсоветских государствах // PolitBook. 2017. № 1. С. 16–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29914963> (дата обращения: 01.01.2024).
9. Гаврилов С. Д., Панкратов С. А., Азизова Д. К. Условия и технологии минимизации протестной активности российской молодежи в контексте современного медиадискурса в цифровой среде // Конфликтология / nota bene. 2021. № 4. С. 24–34. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2021.4.36896>
10. Косинов С. А. Контроль над публичной властью как необходимое условие для существования демократического государства // Проблемы законности. 2015. № 130. С. 11–17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25141898> (дата обращения: 01.01.2024).
11. Метлицкий Р. Л. Общественный контроль за деятельностью органов публичной власти как гарантия конструктивности протестного поведения граждан // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 11 А. С. 39–47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28768694> (дата обращения: 01.01.2024).
12. Институт общественного контроля как гарантия реализации и защиты конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации / В. В. Гончаров, А. Д. Малютин, Л. А. Спектор, Е. Г. Петренко // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 194–196. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54030459> (дата обращения: 01.01.2024).
13. О необходимости формализации в российском законодательстве системы общественного контроля: конституционно-правовой анализ / В. В. Гончаров, М. А. Паркашян, Л. А. Спектор, Е. Г. Петренко // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 186–188. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54030456> (дата обращения: 01.01.2024).
14. О необходимости организации системы мониторинга экономической эффективности деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации / В. В. Гончаров, А. В. Чешин, О. В. Грищенко, В. Ю. Литвинова, Е. Г. Петренко // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 127–130. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54321802> (дата обращения: 01.01.2024).
15. Цифровые технологии как инструмент повышения экономической эффективности проводимых мероприятий общественного контроля в России / В. В. Гончаров, О. В. Грищенко, Е. Г. Петренко, Л. А. Спектор, А. В. Чешин // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8 (224). С. 196–200. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54524939> (дата обращения: 01.01.2024).
16. Экономическая эффективность мероприятий общественного контроля в Российской Федерации как основной критерий оценки результатов деятельности его субъектов / В. В. Гончаров, О. В. Грищенко, Е. Г. Петренко, Л. А. Спектор, А. В. Чешин // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 199–202. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54414713> (дата обращения: 01.01.2024).

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 18.11.2024.

Об авторах

Гончаров Виталий Викторович

кандидат юридических наук, доцент, исполнительный директор, Юридическая консалтинговая корпорация «Ассоциация независимых правозащитников» (350007, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Промышленная, д. 50), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3029-4727>, niipgergo2009@mail.ru

Нагайцев Виктор Валентинович

кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет (656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0231-8592>, niipg2010@mail.ru

Петренко Елена Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина (350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7591-0768>, niipgergo2009@mail.ru

Пустовалова Елена Валерьевна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет (656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4078-8897>, gvv2677919@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Bezrukova E. Yu. Sotsial'no-politicheskiy protest v Rossii ili "pochemu lyudi ne buntuyut" [Socio-political protest in Russia or "Why people don't rebel"]. *Vlast'* = The Authority, 2020, vol. 28, no. 2, pp. 58–62. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/7135> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
2. Brodovskaya E. V., Davydova M. A., Lukushin V. A. Informatsionnyi potok protestnoi mobilizatsii v rossiiskom segmente sotsial'nykh media [Information flow of protest mobilization in the Russian segment of social media]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* = Political expertise: *POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 195–214. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.204>
3. Vorobyev A. V. Legal'nye formy sotsial'no-politicheskogo protesta v Rossiiskoi imperii i Rossiiskoi Federatsii (sravnitel'no-pravovoi analiz) [Legal forms of socio-political protest in the Russian Empire and the Russian Federation (comparative legal analysis)]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs* = Historical-legal problems: the new viewpoint, 2018, no. 1, pp. 61–72. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34876938> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
4. Goncharov D. V., Nechai V. V. Antikorruptsiionnye protesty 2017: otrazhenie v Tvitтере [Anti-corruption protests 2017: reflection on Twitter]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)* = The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia, 2018, 1 (88), pp. 65–81. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36415205> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
5. Petukhov V. V. Gotovnost' rossiyan k otstaivaniyu svoikh sotsial'no-ekonomicheskikh prav v "novoi krizisnoi real'nosti" [Crisis and protection of the citizens' labour rights. Sociological studies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies, 2016, no. 11 (391), pp. 86–96. Available at: <https://www.socis.isras.ru/article/6437> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
6. Stepanova M. S. K voprosu ob elektronnom sposobe konstruktivnogo protestnogo povedeniya [Reflections on electronic means of protest activities]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* = Eurasian Law Journal, 2016, no. 9 (100), pp. 306–307. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27316168> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
7. Titov V. Yu. Analiz normativno-pravovogo regulirovaniya protestnykh nastroyenii v kontseptsiyakh otechestvennykh yuristov [Analysis of the legal regulation of protest moods in the concepts of domestic lawyers]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* = Eurasian Law Journal, 2022, 5 (168), pp. 77–79. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49173391> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
8. Shukuralieva N. R. Fenomen "tsvetnykh revolyutsii" v postsovetiskikh gosudarstvakh [The phenomenon of "color revolutions" in the post-Soviet States]. *PolitBook*, 2017, no. 1, pp. 16–29. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29914963> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
9. Gavrilov S. D., Pankratov S. A., Azizova D. K. Usloviya i tekhnologii minimizatsii protestnoi aktivnosti rossiiskoi molodezhi v kontekste sovremennogo mediadiskursa v tsifrovoi srede [Conditions and technologies for minimizing protest activity of the Russian youth in the context of modern media discourse in the digital environment]. *Konfliktologiya / nota bene* = Conflict Studies / nota bene, 2021, no. 4, pp. 24–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2021.4.36896>
10. Kosinov S. A. Kontrol' nad publichnoi vlast'yu kak neobkhodimoe uslovie dlya sushchestvovaniya demokratcheskogo gosudarstva [Control of the public authorities as a necessary condition for the existence of a democratic state]. *Problemy zakonnosti* = Problems of Legality, 2015, 130, pp. 11–17. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25141898> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
11. Metlitskii R. L. Obshchestvennyi kontrol' za deyatelnost'yu organov publichnoi vlasti kak garantiya konstruktivnosti protestnogo povedeniya grazhdan [Public control over the activities of public authorities as the guarantee of the constructiveness of citizens' protest behavior]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* = Matters of Russian and International Law, 2016, vol. 6, no. 11 A, pp. 39–47. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28768694> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
12. Goncharov V. V., Malyutin A. D., Spector L. A., Petrenko E. G. Institut obshchestvennogo kontrolya kak garantiya realizatsii i zashchity konstitutsionnykh prav i svobod grazhdan Rossiiskoi Federatsii [The institute of public control as a guarantee of the realization and protection of constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = Law and State: the theory and practice, 2023, no. 5 (221), pp. 194–196. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54030459> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
13. Goncharov V. V., Parkashyan M. A., Spector L. A., Petrenko E. G. O neobkhodimosti formalizatsii v rossiiskom zakonodatel'stve sistemy obshchestvennogo kontrolya: konstitutsionno-pravovoi analiz [On the need to formalize the system of public control in Russian legislation: constitutional and legal analysis]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = Law and State: the theory and practice, 2023, no. 5 (221), pp. 186–188. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54030456> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
14. Goncharov V. V., Cheshin A. V., Grishchenko O. V., Litvinova V. Yu., Petrenko E. G. O neobkhodimosti organizatsii sistemy monitoringa ekonomicheskoi effektivnosti deyatelnosti sub"ektov obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii [On the need to organize a system for monitoring the economic efficiency of the activities of subjects of public control in the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = Law and State: the theory and practice, 2023, no. 6 (222), pp. 127–130. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54321802> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).
15. Goncharov V. V., Grishchenko O. V., Petrenko E. G., Spector L. A., Cheshin A. V. Tsifrovye tekhnologii kak instrument povysheniya ekonomicheskoi effektivnosti provodimykh meropriyatiy obshchestvennogo kontrolya v Rossii [Digital technologies as a tool for increasing the economic efficiency of public control measures in Russia]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = Law and State: the theory and practice, 2023, no. 8 (224), pp. 196–200. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54524939> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).

16. Goncharov V. V., Grishchenko O. V., Petrenko E. G., Spector L. A., Cheshin A. V. Ekonomicheskaya effektivnost' meropriyatiy obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii kak osnovnoi kriterii otsenki rezul'tatov deyatel'nosti ego sub"ektov [Economic efficiency of public control measures in the Russian Federation as the main criterion for evaluating the results of its subjects' activities]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*, 2023, no. 7 (223), pp. 199–202. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54414713> (accessed 01.10.2024). (In Russ.).

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 18.11.2024.

About the authors

Vitaly V. Goncharov

Ph. D. (Law), Associate Professor, Executive Director of the Legal Consulting Corporation “Association of Independent Human Rights Defenders” (50, Promishlennaya St., Krasnodar 350007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3029-4727>, niipgergo2009@mail.ru

Viktor V. Nagaytsev

Ph. D. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Conflictology, Altai State University (61 Lenin Ave., Barnaul 656049, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0231-8592>, niipg2010@mail.ru

Elena G. Petrenko

Ph. D. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (13 Kalinin St., Krasnodar 350044, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7591-0768>, niipgergo2009@mail.ru

Elena V. Pustovalova

Ph. D. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Conflictology, Altai State University (61 Lenin Ave., Barnaul 656049, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4078-8897>, gvv2677919@mail.ru

All authors have read and approved the final manuscript.